

Ivan S. Silchenko

REGULATION OF SALE AND CONSUMPTION OF ALCOHOLIC BEVERAGES IN EKATERINBURG PROVINCE IN 1919-1923

The article is devoted to the peculiarities of the struggle of the state power of the Ekaterinburg province with the illegal manufacture, sale and consumption of alcoholic beverages. The author consistently examines the main decisions of the Soviet government and local government bodies, citing examples of their actual execution on the ground. The main bodies dealing with brewing were reviewed, as well as the reasons preventing the effectiveness of this struggle.

Keywords: Ekaterinburg Province, Civil War, Fighting against bootlegging.

DOI 10.26170/vvi18-01-20

Код ВАК 12.00.01

Е. С. Соколова

ИМПЕРСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОРОНАЦИИ ПАВЛА I: О ПОЛИТИКО-ЮРИДИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ЛЕГИТИМАЦИИ НАДСОСЛОВНОЙ МОДЕЛИ РОССИЙСКОГО САМО- ДЕРЖАВИЯ КОНЦА XVIII В.

Статья посвящена выявлению надсословной природы церемониального текста коронации Павла I, которая рассматривается как часть политико-юридической стратегии российского самодержавия, направленной на легитимацию абсолютной прерогативы монарха определять способы социально-политического воздействия властных структур на отношения подданства и социальную стратификацию. На основе политико-юридического подхода к интерпретации ряда носителей правовой информации конца XVIII в. автор приходит к выводу о продворянской направленности репрезентативных кодов коронационного церемониала, сыгравших ключевую роль в институционализации надсословного имиджа императорской власти последующего периода.

Ключевые слова: юридическая политика, самодержавная монархия, надсословный режим, легитимность, коронация, имперская сословная доктрина.

Одним из наименее изученных системообразующих элементов юридической политики Российского государства Нового времени является моделирование надсословных институтов общественного

Соколова Елена Станиславовна, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54); кандидат юридических наук, доцент.

Elena S. Sokolova, associate professor of the Department of History's State and Law of Ural State Law Academy (620137, Russia, Ekaterinburg, Kolmogorova Street, 54); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 245-35-98. Электронная почта/E-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru.

устройства, нацеленное на укрепление и легитимацию самодержавной монархии. По мере формирования имперской политико-правовой доктрины и активизации внешнеполитического фактора в государственном строительстве, эффективным инструментом воздействия монарха на все социальные группы подданных стала последовательная разработка сословного законодательства с целью закрепления юридического неравенства прав состояния и ограничения социальной мобильности в зависимости от государственного значения каждой категории населения. Исключительная прерогатива монарха-самодержца распределять права и обязанности между различными слоями подданных мотивировалась идеологемой «общего блага», возносила носителя верховной государственной власти над законом, но в то же время повышала ценностное значение принципа законности, обеспечивающего возможность легального воздействия монарха на общество при наличии особого юридического статуса каждой группы подданных.

На протяжении XVIII столетия конституирование надсословной модели отношений подданства происходило в условиях дестабилизации самодержавия, вызванной комплексом политико-правовых, государственно-юридических и геополитических факторов. К числу таковых следует отнести неурегулированность на международно-правовом уровне вопроса о легитимности императорского титула, длительное отсутствие в государственном праве Российской империи законного порядка наследования престола и слабость государственно-территориального единства в условиях проведения имперской политики, не обеспеченной должным уровнем централизации и бюрократизации административного аппарата. Этим факторам принадлежит определяющая роль в обеспечении социально-политической стабильности верховной самодержавной власти при помощи институционализации надсословных стратегий.

Реализация надсословного политико-юридического курса происходила на фоне укрепления законодательной основы российского самодержавия и постулировалась генетическим родством его институтов с древнеримским *imperium*, предполагавшим абсолютную полноту верховной власти. Ориентированность правительственной элиты на модель имперского государства, выступающего в качестве социально-политического арбитра и способного привести в равновесие интересы высших и низших сословий законными средствами, способствовала активной апробации репрезентативных средств воздействия на правосознание различных социальных групп населения. Особое внимание законодателей XVIII столетия к данному направлению юридической политики было предопределено длительным отсутствием детально разработанного механизма правового регулирования в области воздействия на сословную структуру общества.

Наличие столь серьезной законодательной лакуны способствовало актуализации коронационных сценариев. По мере укрепления властно-административной системы Российской империи на основе ее максимальной централизации и внедрения бюрократических принципов управления самодержавная парадигма стала постепенно превращаться из политико-религиозного мифа в юридическую реальность, что неизбежно сказалось на стратегии легитимирующего ее церемониального текста. Тем не менее, в зависимости от социокультурных предпосылок и политико-юридической направленности законодательного курса российских самодержцев, на текстологическом уровне не всегда преобладала универсальная надсословная стратегия, нивелирующая различные группы подданных с точки зрения их статусных признаков в русле идеологического представления о доминирующей воле монарха при определении формальных критериев «общего блага».

Например, коронация Павла I проходила в обстановке кардинального пересмотра основных положений Жалованной грамоты дворянству 1785 г., что нашло отражение в некоторых репрезентативных кодах коронационного церемониала. Его ведущей идеологемой стало нарочитое возвышение государственного значения сословного звания дворянина, что имело место в обстановке последовательного возвращения Павла I к возрождению на законодательном уровне института обязательной дворянской службы и в, целом, содействовало усилению воздействия государственной власти на все слои дворянства.

К моменту коронации Павла I, которая состоялась 5 апреля 1797 г. и в соответствии с византийской моделью включала в себя обряд коронования императрицы Марии Федоровны, светский компонент уже безоговорочно доминировал над церковным ритуалом. Его порядок был весьма усложнен за счет включения в коронационную службу большого количества молитв, направленных на прославление сакральной природы самодержавия и несущих смысловую идеологическую нагрузку.

В литературе последних десятилетий справедливо акцентируется внимание на тех особенностях коронационного текста 1797 г., наличие которых позволяет говорить о его концептуальной продуманности, свидетельствующей о стремлении Павла I положить конец дворцовым переворотам путем закрепления юридических основ престолонаследия. Стоит добавить, что одним из решающих факторов внесения некоторых изменений в церемониал коронации стало отсутствие юридической определенности государственно-правового статуса самого Павла I, в пользу которого не было составлено завещательного акта, имевшего законную силу. Пользуясь данным обстоятельством, Екатерина II в последние годы жизни открыто отдавала предпочтение юно-

му Александру Павловичу, которого, по свидетельствам ряда современников, хотела воспитать как своего преемника⁴⁵⁴.

Как бы то ни было, но наличие правовой коллизии между петровским Уставом 1722 г. и спорным с историко-правовой точки зрения завещанием Екатерины I сформировало явную лагуну в области государственного права, дестабилизирующий характер которой стал доминантой политической практики Российской империи после смерти Петра I. Это привело к обнародованию во время коронации 1797 г. нового, законного, порядка наследования российского престола, в целом, основанного на принципах Тестаментa 1727 г., но дающего преобладание мужскому поколению Романовых по прямой нисходящей линии. В тот же день был обнародован и законодательный акт, конституирующий статус Императорской фамилии, а вместе с ним и установление о российских орденах, в котором содержалось юридическое обоснование чиновно-бюрократической модели Российской империи⁴⁵⁵.

Своеобразным визуально-мнемоническим прологом к коронации Павла I, которая состоялась 5 апреля 1797 г. и по традиции была приурочена к пасхальной неделе, стала церемония перезахоронения императора Петра III, состоявшаяся сразу же после смерти Екатерины II. Обычно историки общегуманитарного цикла не придают должного юридического значения этому демонстрационному по своей природе акту, ограничиваясь его констатацией в описательном ключе. В научной литературе бытует мнение, согласно которому посмертное коронование Петра III, останки которого были перенесены из Александроневской лавры в Петропавловский собор, ставило целью умаление политической роли Екатерины II в истории Российского государства. На историко-правовой аспект этого символического действия частично обратил внимание Р. Уортман, подчеркнув намерение Павла I восстановить «память своего отца», создав «фигцию непрерывности престолонаследия и наследственного права ...»⁴⁵⁶.

Эта верная по своему существу мысль, к сожалению, осталась без должной историко-юридической аргументации в силу исследовательской ориентации автора на социально-политическую ауру коронационных «сценариев власти» в послепетровской России. Политико-правовая стратегия Павла I в данном случае воспроизводила на знаковом уровне концептуальную основу нового порядка престолонаследия, согласно которому виды и степени агнато-когнатического родства, определявшие юридические шансы на того или иного претендента на

⁴⁵⁴ Песков 2000: 287 – 290; Уортман 2002: 233 – 235; Скоробогатов 2001: 165 – 190; Скоробогатов 2004: 147 – 157; Трефолев 1881: 17 – 21.

⁴⁵⁵ ПСЗ I 1830: Т. 24. № 17659: 243-244; № 17908; 569 – 587; № 17910: 587 – 589.

⁴⁵⁶ Уортман 2002: 233; Скоробогатов 2003: 115 – 127.

императорскую власть, брали свое начало от императора-родоначальника. Не случайно в конце 1790-х гг. официальное одобрение получил изобразительный сюжет, навеянный в своей основе концептуальными стратегиями законодательства Екатерины II, объявившей себя верной последовательницей государственно-правовых заветов Петра I в духе «общего блага». Композиционный центр одной из гравюр павловского времени составляют фигуры великого «северного исполина» и его внука – Петра III, приветствующие Екатерину на бескрайних просторах Елисейских полей⁴⁵⁷.

Некоторые знаковые коды коронации усопшего императора были перенесены в коронацию императора здравствующего. Павел I находился в сопровождении своих детей обоего пола, блиставших молодостью, красотой и благочестием, что, по воспоминаниям современников, вызвало перед началом церемонии миропомазания одобрительную реакцию митрополита Платона (Левшина). В то же время коронационный церемониал предусматривал жесткую субординацию внутри императорской фамилии. Например, 29 марта 1797 г. во время торжественного въезда императора в Москву Павел I верхом проехал по улицам первопрестольной столицы, приветствуя подданных, как «отец отечества» со шляпой в руке. Константин и Александр Павловичи, тоже верхами, держались поодаль⁴⁵⁸.

Вместе с тем церемония императорского шествия в значительно большей степени, чем предшествующие образцы, предусматривала демонстрацию военной силы в духе имперского цезаризма, что вполне согласовывалось с идеологической установкой Павла I на возрождение патриотического духа периода правления Петра Великого. Нельзя в полной мере согласиться с бытующим в научной литературе излишне категорическим утверждением о преобладании в коронационных торжествах 1797 г. модели «прусского господства и завоевания». Этот вывод основан на свидетельствах современников, в целом, недовольных сословной политикой Павла I в области восстановления служилого статуса дворянства, и критиковавших внешние атрибуты его царствования, заимствованные из военно-политической практики Пруссии⁴⁵⁹.

Как показали исследования ряда ученых, в понимании «романтического императора» военизация государственного быта, берущая начало из придворного мира павловской Гатчины, преследовала цель возвращения в Российскую империю ореола «регулярности», якобы утраченного ею в период женского правления. По скупым официаль-

⁴⁵⁷ Уортман 2002: 233 – 234.

⁴⁵⁸ Чин 1797: 1 – 20; Жмакин 1883: 534 - 538; Комаровский 1867 ; Скоробогатов 2004: 147 – 157.

⁴⁵⁹ Уортман 2002: 235.

ным сведениям о торжествах, состоявшихся в дни коронации 1797 г., отличительная особенность въезда императорской процессии в Москву заключалась в том, что свиту Павла, помимо придворных камергеров и камер-юнкеров составляли чиновники всех военных и статских ведомств, одетые в служебные мундиры. Не последнюю роль в организации этого своего рода коронационного спектакля сыграло стремление Павла I закрепить за собой на визуально-мнемоническом уровне статус «главы церкви», заявленный им в именном указе от 5 апреля 1797 г. о порядке престолонаследия. Данная черта коронационного сценария привлекает внимание гражданских историков, которые находят в присущих ему знаковых кодах ассоциации с библейскими сюжетами о религиозном триумфе Христа, прошедшего свой земной путь в образе человекобога⁴⁶⁰.

Подобные аллюзии встречаются в сочиненных ко дню коронации Павла I торжественных кантатах и одах, смысловой язык которых является объектом герменевтической интерпретации в исследованиях символики российской императорской власти Нового времени. Замечу, что политико-правовая семантика этих мнемонических конструкций отличается многомерностью и наряду с христианскими концептами содержит и элементы аполлонического культа, свойственного западноевропейским моделям королевского суверенитета.

Акцентируя внимание на элементах сакрализации личности императора, руководящего как своими подданными, так и деятельностью церковной организации, исследователи, как правило, игнорируют сословно-правовой аспект коронационного действия, считая его вторичным для понимания религиозно-идеологических аспектов коронации. Между тем, в некоторых церемониальных аспектах коронации 1797 г. и сопутствующих им поведенческих стратегиях самого Павла I хорошо прослеживается взаимосвязь его притязаний на роль религиозного лидера с концептуальной основой регулярного государства, в котором статус каждого лица зависит от его личных заслуг, «помноженных» на благоволение императора.

Известно, например, что именно коронационные торжества положили начало практике пожалования орденов лицам духовного звания, которой впоследствии придерживались все преемники Павла I. Первым удостоился этой чести московский митрополит Платон (Левшин), который получил орден Андрея Первозванного за свою краткую, но содержательную речь, произнесенную по случаю приезда их величеств в Москву. Анна первой степени была пожалована протопресвитеру Успенского собора за приготовления к коронации, которыми Павел I, осмотрев накануне соборное убранство, был очень доволен. На

⁴⁶⁰ Жмакин 1883: 535 – 537; Проскурина 2003: 153 – 185.

другой день после окончания духовной церемонии орденские пожалования получили еще семь иерархов⁴⁶¹.

Несмотря на противоречивость сведений о некоторых особенностях церковного чина, имевших место в Успенском соборе 5 апреля 1797 г., не подлежит сомнению, что некоторые действия Павла I носили декларативный характер и шли вразрез с компромиссной политикой его предшественников в отношении Святейшего Синода. Частичная реконструкция их политико-правового смысла представляется возможной лишь на основании источников личного происхождения, субъективизм которых в данном случае превосходит все возможные границы. Существует, например, версия, не подтвержденная официальным чином коронаования, согласно которой Павел I, пользуясь присвоенным себе статусом «главы церкви», сам вошел в алтарь для святого причастия, приняв его без посредничества московского митрополита. Столь же сомнительным, но, в целом, вполне вероятным вариантом поведенческой стратегии принявшего коронаование императора, является рассказ одного мемуариста о том, как Павел I хотел войти в царские врата для принятия св. Евхаристии опоясанный мечом и был остановлен митрополитом Платоном⁴⁶².

Если подобный образ действий действительно имел место, то его стратегия постулировалась на репрезентативном уровне не прижившимся в дальнейшем возвращением к древнему обычаю облачения государя в далматик. Это священное одеяние, заимствованное из греческого коронационного ритуала, напоминало старомосковский саккос, придавая императору ореол наместника Бога, самостоятельно определяющего основы церковной политики. В то же время некоторые авторы отмечают, что в западноевропейской традиции далматик, который являлся одеждой высшего духовенства, надевали во время коронации императоры Священной Римской империи и короли Франции⁴⁶³.

Сохранение этого обычая в Новое время, вероятно, отражало на знаковом уровне историко-юридический итог борьбы церкви и государства за инвеституру, происходившую в западноевропейской политической практике на протяжении средневековья. Обращение к нему в ходе коронационного церемониала 1797 г. позволяло Павлу I заявить при помощи репрезентативных средств об объединении в одном лице верховной власти государя-самодержца и священнического сана. После завершения коронационного чина он, не выходя из Успенского собора, зачитал, стоя на престоле, указ о престолонаследии, освятив, таким образом, его предписания как коронованный государь и глава православной церкви. После этого император, уже не спрашивая раз-

⁴⁶¹ Коронационный Сборник 1899: 95 – 99; Жмакин 1883: 534 – 535, 537.

⁴⁶² Жмакин 1883: 536.

⁴⁶³ Уортман 2002: 237.

решения проводивших его коронацию митрополитов, вошел в алтарь через царские врата. Там он опустил текст указа для «вечного» хранения в специально приготовленный для этой цели серебряный ковчег, что придавало нормативно-юридическому выражению императорской воли значение «непременного», т. е. основного, государственного закона.

Эта ярко выраженная тенденция к симбиозу церковных атрибутов самодержавной власти и ее светской парадигмы, направленной на практическую актуализацию подчинения подданных императору, прослеживается и в церемониале коронования императрицы Марии Федоровны малой императорской короной по византийскому образцу. Устанавливая между собой и коронованной им супругой отношения подданства, Павел I, тем не менее, придавал большое значение «августейшим» супружеским узам, юридическим следствием которых стало обоснованное ценностями естественного права соглашение между императором и императрицей о передаче престола их старшему сыну Александру Павловичу.

Впоследствии демонстрация величия самодержавного статуса Павла I, который за недолгое время своего правления довел до гротеска апробированный при Петре Великом сценарий взаимодействия церкви и государства по протестантскому образцу, достигалась за счет различного рода церемониалов. Цель этих репрезентаций заключалась в выработке у подданных привычки к доминированию императорской воли над любыми соображениями частно-правового характера. Роль своеобразной преамбулы к этим многочисленным начинаниям Павла I в области разработки мнемонических кодов, овеещающих его высокую государственную миссию в области реализации «общего блага» методом юридического принуждения, выпала на долю военных парадов, проведенных в Москве по случаю коронации. На одном из них, проходившем в день Преображения, Павел I явился перед войском в полном коронационном облачении, включая далматик, который по традиции разрешалось возлагать на себя только лицам мужского пола, и корону. В церемонии принял участие и митрополит Платон. Стоя на особом возвышении, он кропил святою водою государя и проходившие перед ним войска⁴⁶⁴.

Подводя итоги, следует констатировать, что коронационный сценарий 1797 г. с его ярко выраженным прагматизмом в области утверждения ценностно-юридического аспекта самодержавной власти, имел в виду, прежде всего, воздействие на правосознание верхов дворянства. В Успенский собор были допущены только особы первых двух классов, преданность которых престолу должна была в дальнейшем стать основой законодательной политики Павла I в области воз-

⁴⁶⁴ Коронационный сборник 1899: 97.

рождения служилой роли высшего сословия Российской империи, утраченной в период «золотого века» Екатерины II. Несмотря на организацию традиционного народного гуляния, юридическая тональность которого была задана общеизвестным коронационным манифестом о трехдневной барщине, смысловой доминантой сословных аспектов коронации 1797 г. все же следует считать многочисленные пожалования чинов, орденов, командорских имений и крестьян, которыми Павел I ознаменовал день своего коронавания.

Сложившийся на протяжении XVIII в. символический смысл этой коронационной традиции, направленный на репрезентацию основополагающего для политической системы Российской империи принципа «выслуги», был дополнен рядом новых политико-идеологических концептов. Среди них ведущую смысловую роль играло желание Павла I выделить на сословно-юридическом уровне тех сановников, деятельность которых определяла функционирование властно-административных структур, обеспечивающих реализацию самодержавной парадигмы. Например, исключительными милостями императора был удостоен канцлер А.А. Безбородко, сделавший свою государственную карьеру в царствование Екатерины II. Именно он подготовил торжественный прием императорской четы в Москве накануне коронации, будучи при этом одним из первых действующих лиц на торжественной церемонии в Успенском Соборе. Именно Безбородко по приказу императора передавал большую императорскую корону церковным иерархам, которые, в свою очередь, должны были вручить ее Павлу I для совершения обряда возложения.

О характере императорских пожалований, учиненных ему «с трона в Грановитой Палате», Безбородко сообщил своей матери 8 апреля 1797 г. Он, в частности, получил «в потомственное владение, в Орловской губернии, вотчину Дмитровская, ... в которой 10 т. душ слишком и 30 т. десятин земли в Воронежской губернии по реке Битюгу». Кроме того, Безбородко был возведен в княжеское достоинство с пожалованием дополнительных шести тысяч душ в любой местности Российской империи по его выбору⁴⁶⁵.

Следует отметить, что современники по-разному относились к пожалованиям такого рода, исходящим от Павла I. Некоторые мемуаристы сообщают, что список лиц, удостоенных высочайших наград, составлялся заранее, причем при активном участии всех заинтересованных сторон. По свидетельству одного частного лица, решающее значение имели связи при дворе, которые активно пускались в ход «при раздаче или, лучше сказать, при расхвате деревень...»⁴⁶⁶.

⁴⁶⁵ ПСЗ I 1830. Т. 24. № 17909: 587; Григорович 1877: 209.

⁴⁶⁶ Григорович 1877: 209 – 211; Семевский 1867: 131 – 148.

Сановники, обратившие на себя высочайшее внимание в день коронации, в том, числе и Безбородко, подвергались суровому осуждению со стороны тех дворян, которые критически относились к законодательной политике Павла I. Не последнюю роль в этих оппозиционных настроениях сыграло выказанное императором намерение выстроить на основе сделанных им пожалований жесткую чиновно-бюрократическую иерархию, особо приближенную к императору и основанную на степени усердия каждого награжденного лица к выполнению «благоугодных» государю инициатив.

По свидетельству одной из известных и просвещенных мемуаристок конца XVIII в., которая сделала придворную карьеру после окончания Смольного института и пользовалась покровительством канцлера Безбородко, Павел I вычеркнул ее имя из списка представленных к награждению в честь коронации, сказав по этому поводу: «она чересчур горда». Следует отметить, что внушительный список награжденных лиц, в котором перечислены **дворяне обоего пола**, составленный вице-канцлером А. Б. Куракиным, не исключал корпоративной направленности некоторых пожалований. В частности, по сообщению этого влиятельного сановника, в день коронации помимо командорских имений «роздано было 105 лицам более 82. 000 душ...»⁴⁶⁷.

Таким образом, преобладание продворянских мотивов в организации коронации и последовавших за ней придворных праздников в значительной мере способствовало нивелировке государственно-правового значения прочих сословий на фоне репрезентативных мероприятий, демонстрирующих величие самодержавной власти нового императора, доминирующего над своими подданными. Указанная тенденция нашла достаточно полное отражение в законодательстве Павла I, направленном на укрепление военно-служилой иерархии и возрождение служебно-тягловой системы взаимоотношений между императорской властью и дворянством как основополагающего элемента надсословного политического режима Российской империи и имперской юридической политики.

Список источников и литературы

Григорович 1877 – Канцлер Князь Безбородко. (Первый месяц Павловского царствования. – Милости в коронацию. – Канцлерство. - Родственные сношения. – Московский дом (Политические дела). Статья Н. И. Григоровича // Русский архив. 1877. Кн. 2. С. 198 – 132.

⁴⁶⁷ Ржевская 1871 : 46; Григорович 1877 : 209, 211.

- Жмакин 1883** – Жмакин В. И. Коронации русских императоров и императриц. 1724 - 1856 // Русская старина. 1883. Т. XXXVII. № 3. С.499 - 538. Т. XXXVIII. № 4. С. 1 – 36.
- Комаровский 1867** – Граф Е. Ф Комаровский. Записки// Русский архив. 1867. Кн. 2 – 4.
- Коронационный Сборник 1899** – Коронационный Сборник, с соизволения Его Императорского Величества Государя Императора издан Министерством Императорского Двора / Составлен под ред. В. С. Кривенко. Т. 1. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1899. – 415 с.
- Песков 2000** – Песков А. М. Павел I. М. : Молодая гвардия, 2000. – 421 с.
- Проскурина 2003** – Проскурина В. Ю. Миф об Астрее и русский престол // Новое литературное обозрение. 2003. № 63. С.153 – 185.
- ПСЗ I 1830** – 1797. – Апреля 5. – Акт, Высочайше утвержденный в день священной Коронации Его Императорского Величества, и положенный для хранения на престол Успенского Собора // Полное собрание законов Российской империи I. Т. 24. № 17910. С. 587 – 589.
- ПСЗ I 1830** – 1797. – Апреля 5. – Высочайше утвержденное Установление о Российских императорских орденах // Полное собрание законов Российской империи I. Т. 24. № 17908. С. 569 – 587.
- ПСЗ I 1830** – 1796. – Декабря 18. – Манифест. – О назначении коронации Императора Павла I и Императрицы Марии Феодоровны в Москве в Апреле месяце 1797 года // Полное собрание законов Российской империи I. Т. 24. № 17659. С. 243-244.
- ПСЗ I 1830** – 1797. – Апреля 5. – Манифест. – О трехдневной работе помещичьих крестьян в пользу помещика, и о непринуждении к работе в дни воскресные // Полное собрание законов Российской империи I. Т. 24. № 17909. С. 587.
- Ржевская 1871** – Памятные записки Глафиры Ивановны Ржевской // Русский архив, 1871. Кн. I. № 1. Стлб. 1 – 52.
- Семевский 1867** – Список о всех милостях, излианных покойным государем Павлом I, в день его коронации, 5 апреля 1797 года. Сообщил М. И. Семевский // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1867. Т. 1. V. Смесь. С. 131 – 148.
- Скоробогатов 2004** – Скоробогатов А. В. Коронация Павла I // Человек. 2004. № 6. С. 147 – 157.
- Скоробогатов 2003** – Перезахоронение императора Петра III как культурно-исторический миф // Ежегодник историко-антропологических исследований. М.: ЭКОНОМ-ИНФОРМ, 2003. С. 115 – 127.

- Скоробогатов 2001** - Скоробогатов А.В. Семиотика власти Павла I // *Ab Imperio* (журнал). Казань, 2001. № 1 / 2. С. 165 – 190.
- Трефолев, 1881** – Елизавета I. Инструкция обергофмейстеру при Его Императорском Высочестве Государе Великом Князе Павле Петровиче, господину генералу поручику, камергеру и кавалеру Никите Ивановичу Панину. 1761. Сообщ. Л. Н. Трефолев // Русский архив. 1881. Кн. 1. № 1. Стлб. 17 – 21.
- Уортман 2002** – Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. I. От Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002. 608 с.
- Чин 1797** – Действия, каким образом совершилось Всевысочайшее Его Императорского Величества Коронование по церковному чиноположению. СПб.: Синодальная типография, 1797. 20 с.

Elena S. Sokolova

THE IMPERIAL POTENTIAL OF THE CORONATION OF PAUL I: THE POLITICAL AND LEGAL STRATEGY OF LEGITIMIZATION OF THE NOTORIOUS MODEL OF THE RUSSIAN AUTOCRACY OF THE LATE XVIII CENTURY

The article is devoted to revealing the super-legal nature of the ceremonial text of the coronation of Paul I, which is regarded as part of the political and legal strategy of the Russian autocracy aimed at legitimizing the absolute prerogative of the monarch to determine the ways of social and political influence of power structures on citizenship and social stratification. On the basis of the politico-legal approach to interpreting a number of legal information carriers at the end of the 18th century, the author comes to the conclusion that the nobiliary representational codes of the coronation ceremonial have played a key role in the institutionalization of the superseeworthy image of the imperial power in the subsequent period.

Keywords: legal policy of an autocratic monarchy, supra-estate regime legitimacy, the coronation, the Imperial doctrine of estate